

4.06.94

101

Станислав КОНДРАШОВ, «Известия»

Пока на своем пути в Москву Александр Солженицын не распрощался с Дальним Востоком, самое время напомнить, что рядом лежит Китай, где подобное триумфальное возвращение бывшего диссидента номер один было бы стопроцентно исключено.

Известия. - 1994. - 4 июня. - С. 4.

Напоминание еще более уместно благодаря одному совпадению — как раз в начале июня исполняется пятая годовщина жестокого подавления китайскими властями выступления студентов-правозащитников на площади Тяньаньмэнь. В Пекине не отказались от политики запретов и контроля над инакомыслием.

И вот другое совпадение — практически день в день с прибытием Солженицына во Владивосток официальный Пекин одержал впечатляющую победу над официальным Вашингтоном, требовавшим отмены этой политики. После долгих колебаний, в обстоятельствах близких к унижительным президент Клинтон отступил от своего широко разрекламированного обязательства увязать продление Китаю режима наибольшего благоприятствования в торговле с защитой прав человека. Режим был продлен без каких-либо уступок Пекину Вашингтону.

Триумф Солженицына, получается, совпал с триумфом (противоположного характера) Дэн Сяопина и его стоящих

сейчас у государственного руля соратников. К победе над президентом США они по пра-

По существу, китайцы решают ту же центральную задачу перехода к рыночной экономике, которую сформулировал великий писатель: «выбраться из-под обломков коммунизма». Выбираются со своими потерями и приобретениями, сохраняя командные позиции компартии и явно недобирая по части демократических свобод, но и не обрушивая разом зда-

того убывающей политической репутации. Американский большой бизнес поставил выгоду выше принятых представлений о правах человека, и его подход разделили рядовые американцы, привыкшие к китайскому ширпотребу. Кроме того, двести тысяч американцев прямо обеспечивают свою занятость торговлей с Китаем. Сколько торговлей с Россией?

один-два порядка выше, чем в экономику России. Бизнес любит стабильность. Она невозможна без стабильного политического руководства. В Китае это есть, в России — отсутствует.

Конечно, уникальные размеры ядерного арсенала — чрезвычайно серьезная заявка на статус великой державы, с ней вынуждены считаться все. Но

диссидента и китайских гонителей инакомыслия. Просвещенный патриот и болельщик за Россию призывает к национальным путям и методам высвобождения из-под обломков. И пекинские лидеры, подключая свою страну к мировой экономике, прежде всего полагаются на собственный ум и опыт, на свою ответственность перед своим народом и историей, не увлекаясь гарвардскими или чикагскими рецептами. Мизерный ростом Дэн не обезьянничал и не думал о том, чтобы понаравиться Западу, и заслужил там неиссякающее уважение и репутацию гиганта-реформатора, чего ни Солженицын, ни мы, грешные, не можем, увы, сказать о сладкоголосых реформаторах отечественной пробы.

«Сейчас народ созрел для того, чтобы осознать свою судьбу в ее сущности, в ее глубине», — такую оценку дал Солженицын, считая, что верно выбрал момент возвращения в Россию и активного включения в ее общественную жизнь. Кажется, он слишком оптимистичен насчет того, что «гнилая пена пустяковины сошла». Но было бы прекрасно, если бы в базарном гуле российской действительности его появление усилило позиции тех, у кого сознание исторической ответственности преобладает над личными амбициями и сиюминутными политическими расчетами.

СОЛЖЕНИЦЫН И КИТАЙ

Неожиданные совпадения и парадоксы

ву могут приплюсовать громкую похвалу российского премьер-министра Виктора Черномырдина, который — как многое вдруг сошло по времени — в те же дни выразил свой восторг при лицезрении «чуда» свободной экономической зоны в Шанхае. Далеко не первый и вряд ли последний восторг со стороны россиян. Они множатся, как и свидетельства того, что в собственной практике создания таких зон российские государственные мужи центрального и регионального уровня не идут дальше благих маниловских пожеланий.

не тоталитарного государства, не накрывая его обломками своей миллиардный народ. Россия, по определению Солженицына, выбрала наиболее тяжелый, неуклюжий путь. Китай, если брать экономику, дает наивысший в мире прирост внутреннего валового продукта, стремительно наращивает внешнюю торговлю.

Реальные политики из Пекина «не спешили, попивая чаек» (выражение одной германской газеты), в ожидании, когда Клинтон сдастся под диктатом обстоятельств, пожертвовав еще одной долей своей и без

Думается, считанные тысячи — без учета фермеров и с учетом сократившихся закупок зерна.

В прошлом году оборот российско-китайской торговли составил около восьми миллиардов долларов, а китайско-американской — сорок миллиардов, причем в ней одно лишь активное сальдо Китая примерно в три раза больше всей суммы торгового оборота между Россией и Китаем. Ежегодные вложения иностранного капитала в китайскую экономику исчисляются многими миллиардами долларов, то есть на

чем ближе XXI век, тем «экзотичнее» такое обоснование. Стабильного постоянного уважения на международной арене удостоиваются лишь страны с эффективной экономикой. Такие, как Германия, Япония... Китай. На наших дальневосточных границах рождается экономическая сверхдержава, чья «макроэкономика» опирается на жесткую умную «макрополитику».

И вот, продолжая тему возвращения Солженицына, нельзя пропустить еще одной точки парадоксального пересечения взглядов бывшего советского

Солженицын А.И.